

На правах рукописи

Хамидуллин Салават Ишмухаметович

**БУРДЖАНЫ: ИСТОЧНИКИ, ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ,
ГИПОТЕЗЫ**

Специальность 07.00.07 – этнография, этнология и антропология

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Уфа – 2016

Работа выполнена в отделе этнологии Института истории, языка и литературы
Уфимского научного центра РАН

Научный руководитель: **Псянчин Айбулат Валиевич**, доктор географических наук, зав. отделом этнологии ИИЯЛ УНЦ РАН

Официальные оппоненты: **Зайцев Илья Владимирович**, доктор исторических наук, доцент кафедры стран Центральной Азии и Кавказа Института стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

Крюкова Виктория Юрьевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела этнографии Центральной Азии Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН

Ведущая организация: Институт этнологических исследований им. Р. Г. Кузеева Уфимского научного центра РАН

Защита состоится 27 июня 2016 г. в 12:00 часов на заседании диссертационного совета Д 002.123.01. по защите кандидатских и докторских диссертаций при Музее антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамере) РАН по адресу: 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 3.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамеры) РАН и на сайте <http://www.kunstkamera.ru>.

Автореферат разослан мая 2016 г.

Ученый секретарь диссертационного совета,

кандидат исторических наук

М. Е. Резван

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Настоящее диссертационное исследование посвящено происхождению и этнической истории бурджан (бурзян) – родового подразделения в составе башкир. Актуальность темы исследования обусловлена слабой изученностью их происхождения, а также отсутствием специальных работ в отечественной и зарубежной историографии по данной проблематике. Между тем без решения вопросов, касающихся этнической истории, путей и времени миграции данного племени на Южный Урал, невозможно воссоздать объективную картину этногенеза башкирского народа, а также адекватно объяснить ряд спорных моментов в истории хазар, башкир, северокавказских и дунайских болгар.

Степень изученности темы. В западноевропейской и отечественной литературе история бурджан как таковых не рассматривалась, поскольку этноним «бурджан» считался лишь экзонимом дунайских болгар. Немецкий востоковед Йозеф Маркварт, подытоживая достижения европейской науки, пришел к выводу, что под бурджанами скрываются болгары дунайские и северокавказские, но не волжские, а также – в описании путешествия Харуна ибн Яхьи в Западную Европу – бургунды¹.

В отечественной историографии одним из первых на термин «бурджан» обратил внимание А. Я. Гаркави². В работах В. В. Бартольда, Б. Н. Заходера, А. П. Новосельцева, В. Г. Крюкова, И. Г. Коноваловой и др. также комментировалось его происхождение³. Однако их мнение мало чем отличается от точки зрения европейских коллег. Тадеуш Левицки, В. В. Полосин и О. Б. Фролова сомневались в аутентичности термина «бурджан», видя в нем либо

¹ Marquart J. Osteuropäische und Ostasiatische Streifzüge. Leipzig: Dieterich'sche Verlagsbuchhandlung, T. Weicher, 1903. S. 204–206, 207, 491.

² Гаркави А. Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1870. С. 20.

³ Бартольд В. В. Болгары // Сочинения. Т. V. М.: Наука, 1968. С. 510; Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. I. М.: Издательство восточной литературы, 1962. С. 37; Новосельцев А. П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М.: Наука, 1990. С. 77; Крюков В. Г. Сообщения анонимного автора «Ахбар аз-заман» о народах Европы // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования 1981 г. М.: Наука, 1983. С. 205; Коновалова И. Г. Восточная Европа в сочинении ал-Идриси. М.: Восточная литература, 1999. С. 112.

lapsus calami, либо вариации иных этнонимов¹. Мурад Рамзи, Ахмед-Заки Валиди Тоган, Р. Г. Кузеев и А. Б. Булатов видели в нем этническое имя башкирского племени бурджан (бурзян), отделяя его от болгар². Последний исследователь связывал с ним также племя *бурдж-оглы*, зафиксированное в Дешт-и-Кыпчаке.

В башкирской письменной традиции прошлое бурджан отражено в различных сочинениях XVII–XX вв., к которым относятся «Кысса-и Чингиз-хан» анонимного автора, «Тарих нама-и Булгар» Тадж ад-Дина Ялчигула аль-Башкурди, «Ядкар» Мухаммед-Салима Уметбаева, родословные-шежере, очерк «Башкурды» Юлбарыса Бикбова, а также работы дореволюционных историков Шихабуддина Марджани, Мурада Рамзи и Ризаиддина бен Фахреддина³. В турецкой историографии вопроса происхождения бурджан коснулся А.-З. Валиди Тоган в работе «История башкир» («*Vaşkırtların Tarihi*»).

Большинство зарубежных и отечественных исследователей интересовали лишь вопросы происхождения термина «бурджан» и его соотношения с этнонимом «болгар». Исключение составляли А. Б. Булатов, Р. Г. Кузеев и А.-З. Валиди Тоган, которые признавали историчность этноса бурджан. В целом, приходится констатировать, что предшествующая историография не дала исчерпывающего ответа на исследуемый вопрос.

Объектом исследования являются средневековые бурджаны, предки современных башкир племени бурзян. Последнее название является русифицированной формой данного этнонима. Соответствующие формы в

¹ Lewicki T. *Zrodla arabskie do dziejow slowianszczyzny*. T. I. Wroclaw-Warszawa-Krakow, 1956. С. 24–27; Полосин В. В. Этноним «болгары» в арабских источниках // Краткие сообщения VII научной сессии ЛО ИВ АН СССР. Л., 1971. С. 145; Фролова О. Б. Об этническом названии «бурджан» у арабских географов // Ученые записки ЛГУ. № 395. Вып. 20. Л., 1977. С. 195.

² Рамзи М. Талфик аль-ахбар ва талких аль-асар фи вакаи' Казан ва Булгар ва мулюк ат-татар. Т. I. Оренбург: Матба'а аль-Каримийа ва-ль-Хусайнийя, 1908. С. 241; Togan Zeki Velidi. *Vaşkırtların Tarihi* // *Türksoy Yayınları*. № 18. Ankara, 2003. С. 14; Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа. М.: Наука, 1974. С. 139; Булатов А. Б. Восточные средневековые авторы о башкирах // Археология и этнография Башкирии. Т. IV / Под ред. Р. Г. Кузеева, К. В. Сальникова. Уфа: ИИЯЛ БФАН СССР, 1971. С. 323–324.

³ Хальфин И. И. Жизнь Джингиз-хана и Аксак-Тимура. Казань: Типография Казанского университета, 1822. С. 53; Даль В. И. Жизнь Джингиз-хана // Сын Отечества. 1835. Т. 47. № 4. С. 195–230; Галяутдинов И. Г. Тарих нама-и Булгар Таджетдина Ялсыгулова / Отв. ред. Э. Р. Тенишев. Уфа: Китап, 1998. С. 130; Башкирские шежере / Составление, перевод текстов, введение и комментарии Р. Г. Кузеева. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1960. С. 71–80; Уметбаев М.-С. Ядкар. Казань: Типография Б. Л. Домбровского, 1897. С. 39; Бикбов. Башкурды. Материалы по истории башкирского народа // Оренбургская газета, 1899. №№ 762, 765, 768, 771, 773, 777, 789; Марджани Ш. Китаб мустафад аль-ахбар фи ахваль Казан ва Булгар. Ч. 1. Казань: Типография Б. Л. Домбровского, 1897. С. 74; Ризаэддин Фахрединев. Болгар ва Казан төрекляре. Казань: Татарстан китап нәшрияты, 1993. 22нче б.

тюркоязычной литературе – *بورجان* (*бөржән*), в арабской – *بُرْجان* (*бурджан*), в персидской – *برچان* (*бурчан*).

Предмет исследования – происхождение и этническая история бурджан (бурзян), в проблемное поле которой входит также рассмотрение историографической болгаро-бурджанской проблемы.

Хронологические рамки исследования охватывают большой временной отрезок между III и XIII вв. Однако основное внимание фокусируется на периоде III–VII вв., то есть времени существования на Северном Кавказе политического объединения Бурджан.

Территориальные рамки исследования охватывают в основном территорию Кавказа (современный Дагестан и Закавказье) и Балканского полуострова.

Целью диссертационного исследования является описание этнической истории бурджан и, следовательно, доказательство их историчности, а также аргументация участия туранского¹ компонента в этногенезе башкир на примере этнической истории данного родового подразделения.

В соответствии с поставленной целью были сформулированы следующие **задачи**:

– опровергнуть господствующее в историографии мнение о том, что термин «бурджан», используемый арабо-персидской историко-географической традицией, является всего лишь вариантом написания этнонима «булгар»;

– объяснить историографическую проблему смешения этнонимов «бурджан» и «булгар» в арабо-персидской литературе;

– показать соответствие друг другу этногеографических понятий (хоронимов) «Берзилия» и «Бурджан» и, следовательно, этнонимов «бурджан» и «берзил» (*барсил, берсула, бурдж-оглы, бурчевичи*);

– установить причину перенесения топонима и этнонима «Бурджан», упоминаемого с эпохи поздней античности в качестве вассального владения Сасанид-

¹ Согласно иранской эпической традиции, отраженной в Авесте, среднеперсидских (пехлевийских) сочинениях, а также в поэме Фирдоуси «Шахнаме», Туран включал в себя массив преимущественно ираноязычных кочевников Средней Азии, Приаралья, Южного Урала и Прикаспия, изображаемых в качестве враждебной Ирану стихии. В диссертации во избежание терминологической путаницы намеренно разводятся понятия Иран и Туран. Таким образом, туранцы – это ираноязычные кочевники Северной Евразии.

ского Ирана, а затем Хазарского каганата, на одну из областей Балканского полуострова;

– провести сравнительный анализ индоиранской мифологии и башкирского эпоса «Урал-батыр».

Методологической основой диссертации являются сравнительно-исторический, проблемно-хронологический, ретроспективный, историко-генетический методы, которые позволяют вычлениить политическую историю бурджан из общего контекста событий, протекавших на фоне развития таких государственных образований, как империя гуннов, Тюркский и Хазарский каганаты.

Абстрактно-логический метод познания дал возможность по-новому взглянуть на некоторые аспекты истории Северного Кавказа III–VII вв., а также на происхождение и раннюю историю хазар, болгар и бурджан/берзилов. Для доказательства основных положений диссертации использовался междисциплинарный подход, в данном случае сочетающий в себе методологию и принципы таких наук, как история, археология, этнография, источниковедение, текстология, историческая география, мифология, лингвистика.

В теоретическом аспекте данная диссертация опирается на концепции исторического развития евразийских степей, объясняющие основные моменты сложения современной этнической мозаики данного пространства, которые изложены в трудах таких исследователей, как В. В. Бартольд, М. И. Артамонов, С. П. Толстов, С. Г. Кляшторный, А. В. Гадло, Э. А. Грантовский, Г. М. Бонгард-Левин, Йозеф Маркварт, В. Ф. Минорский, А.-З. Валиди Тоган, Питер Голден, Л. Б. Гмыря, А. К. Салмин и др.

Источниковая база исследования. Первостепенное значение для предмета данного исследования имеют арабо-персидские источники. Они представлены географическими и историческими сочинениями арабских и персидских авторов VIII–XV вв., критические тексты которых в разное время были изданы на языках оригиналов. Значительную их часть опубликовал Михаэль де Гуге в серии «Bibliotheca Geographorum Arabicorum» (Leiden, 1870–1894). К ним относятся со-

чинения Ибн Хордадбега¹, аль-Истахри², Ибн аль-Факиха³, Ибн Хаукаля⁴, Ибн Русте⁵, Кудама ибн Джафара⁶, аль-Мукаддаси⁷. Отдельно им были изданы знаменитые «Annales» ат-Табари (Leiden, 1879–1901)⁸. В разное время увидели свет арабские тексты Абу-ль-Фиды⁹, Казвини¹⁰, Ибн Халдуна¹¹, Димашки¹², Мас’уди¹³, Я’куби¹⁴, Динавари¹⁵, Макдиси¹⁶, Са’алиби¹⁷, Бируни¹⁸, Ибн Са’ида¹⁹, Балазури²⁰, Халифы бен Хайята²¹, аль-‘Умари²², Ибн Исфендияра²³, Ибн аль-Асира²⁴, Идриси²⁵, Йакута ар-Руми¹, Мискавейха². Некоторая часть текстов перечисленных

¹ Kitab al-masalik wa’l-mamalik auctore Abu’l Kasim Obaidallah Ibn Khordadhbeh et excerpta e Kitab al-kharadj auctore Kodama ibn Dja’far // Bibliotheca Geographorum Arabicorum / Ed. M. J. de Goeje. Pars VI. Leiden, 1889.

² Viae Regnorum. Descriptio ditionis moslemicae auctore Abu Ishak al-Istakhri // Bibliotheca Geographorum Arabicorum / Ed. M. J. de Goeje. Pars I. Ed. 2. Leiden, 1927.

³ Ibn al-Fakih al-Hamadani. Kitab al-boldan // Bibliotheca Geographorum Arabicorum / Ed. M. J. de Goeje. Pars V. Leiden, 1885.

⁴ Ibn Haukal. Viae et Regna // Bibliotheca Geographorum Arabicorum / Ed. M. J. de Goeje. Pars II. Leiden, 1873.

⁵ Ibn Rosteh. Kitab al-a’lak an-nafisa // Bibliotheca Geographorum Arabicorum / Ed. M. J. de Goeje. Pars VII. Leiden, 1891.

⁶ Kitab al-masalik wa’l-mamalik auctore Abu’l Kasim Obaidallah Ibn Khordadhbeh et excerpta e Kitab al-kharadj auctore Kodama ibn Dja’far // Bibliotheca Geographorum Arabicorum / Ed. M. J. de Goeje. Pars VI. Leiden, 1889.

⁷ Mokaddasi. Descriptio imperii moslemici // Bibliotheca Geographorum Arabicorum / Ed. M. J. de Goeje. Pars III. Leiden, 1877.

⁸ Annales quos scripsit Abu Djafar Mohammed ibn Djarir at-Tabari / Ed. M.J. de Goeje. Prima series. Pars I, II, III, IV, V, VI. Lugduni Batavorum, 1879–1898; Annales quos scripsit Abu Djafar Mohammed ibn Djarir at-Tabari / Ed. M. J. de Goeje. Secunda series. Pars I, II, III. Lugduni Batavorum, 1881–1889; Annales quos scripsit Abu Djafar Mohammed ibn Djarir at-Tabari / Ed. M. J. de Goeje. Tertia series. Pars I, II, III, IV. Lugduni Batavorum, 1879–1890.

⁹ Geographie d’Aboulfeda / Texte arabe publie d’apres les manuscrits de Paris et Leyde aux prais de la societe asiatique par M. Reinaud. Paris, 1840; Абу-ль-Фида. Китаб аль-мухтасар фи ахбар аль-башар. Т. 1–4. Каир: Матба’а аль-Хусайнийя аль-мисрийя, 1907.

¹⁰ Zakarija Ben Muhammed Mahmud el-Cazwini’s Kosmographie. Zweiter Theil *كتاب أثر البلاد*. Die Denkmäler der Länder, hrsg. von F. Wüstenfeld. Göttingen, 1848.

¹¹ Les Prolegomenes D’Ibn Khaldoun / Trad. et comm. Par M. de Slane. Premiere Partie. Paris, 1863.

¹² Cosmographie de Chems-ed-din Abou Abdallah Mohammed ed-Dimichqui / Texte arabe publie d’apres l’edition commence par M. Fraehn et d’apres les manuscrits de St.-Petersbourg, de Paris, de Leyde et de Copenhague par M. A. F. Mehren. Saint-Petersbourg, 1866.

¹³ Mas’udi. Kitab at-tanbih va-l-ishraf // Bibliotheca Geographorum Arabicorum / Ed. M. J. de Goeje. Pars VIII. Leiden, 1894; Ма’удӣ. Les praires d’or / Texte et traduction par C. Barbier de Meynard. T. I–IX. Paris, 1861–1877; Мас’уди. Ахбар аз-заман. Бейрут: Дар аль-Андалус, 1966.

¹⁴ Ibn-Wadhih qui dicitur al-Ja’qubi. Historiae / Ed. by M. Th. Houtsma. Pars I. Lugduni Batavorum, 1883.

¹⁵ Динавари. Китаб аль-ахбар ат-тивал / Изд. В. Гиргас. Лейден, 1888.

¹⁶ Le livre de la creation et de l’histoire de Motahhar ben Tahir el-Maqdisi / Publie et traduit d’apres de manuscrit de Constantinople par M. Cl. Huart. T. 4. Paris, 1907.

¹⁷ Histoire des rois des Perses par Abou Mansour ‘Abd al-Malik ibn Mohammad ibn Isma’il al-Tha’alibi / Texte arabe publie et traduit par H. Zotenberg. Paris, 1900.

¹⁸ The book of instruction in the elements of the art of astrology by Abu’l-Rayhan Muhammad ibn Ahmed al-Biruni written in Ghaznah, 1029 A. D. / Trans. by R. Ramsay Wright. London, 1934.

¹⁹ Ibn Sa’id al-Magribi. Libro de la extension de la tierra en longitud y latitud / Ed. J. Vernet Gines. Tetuan: Instituto Muley El-Hasan, 1958.

²⁰ Балазури. Футух аль-булдан. Бейрут: Му’ассаса аль-ма’ариф, 1987.

²¹ Халифа бен Хайят. Тарих Халифа бен Хайят / Изд. Акрам Дия’ аль-‘Умари. Эр-Рияд: Дар Таййиба, 1985.

²² Ибн Фадл Аллах аль-‘Умари. Масалик аль-абсар фи мамалик аль-амсар / Изд. К. С. Джубури. Т. 1–26. Бейрут: Дар аль-кутуб аль-‘ильмийя, 1971.

²³ Ибн Исфендияр. Тарих Табаристан. Каир: Аль-маджлис аль-а’ля ли-с-сакафа, 2002.

²⁴ Ибн аль-Асир. Аль-камил фи-т-тарих. Т. 1–10. Бейрут: Дар аль-кутуб аль-‘ильмийя, 1987.

²⁵ Idrisi. Nuzhat al-mushtaq fi-ikhtiraq al-afaaq. Vol. I–II. Cairo: Maktaba al-thaqafa al-deniya, 2010.

арабских авторов переведена на русский, французский и английский языки. Что касается персоязычных сочинений, то среди них к теме данного исследования имеют отношение анонимный трактат «Худуд аль-'Алам» и «Тарихнама-е Табари»³, являющийся компендиумом «Истории пророков и царей» ат-Табари, который в X в. составил саманидский визирь Мухаммед Бал'ами. Оригинальный текст «Худуд аль-'Алам» издан Манучехром Сотудэ. Однако имеются также его арабский и английский переводы⁴.

Другая группа текстов представлена Авестой и пехлевийскими (среднеперсидскими) зороастрийскими религиозными канонами (Денкард, Бундахишн и др.) в английском и русском переводах, интерес к которым обусловлен наличием в них общих черт, характерных для мифологии древних ариев⁵. Отдельно следует упомянуть такие произведения средне- и новоперсидской словесности, как «Шахнаме», «Книга деяний Ардашира сына Папака», «Предание о сыне Зарера» и др., содержащие сведения исторического, географического и этнографического характера⁶.

¹ Йакут ар-Руми. Му'джам аль-булдан. Т. I–V. Бейрут: Дар садир, 1977.

² Абу 'Али Ахмад бен Мухаммад бен Я'куб Мискавайх. Таджариб аль-умам ва та'акуб аль-химам / Изд. Сайид Касрави Хасан. Т. 1–7. Бейрут: Дар аль-кутуб аль-'ильмия, 2003.

³ Бал'ами. Тарихнама-и Табари. Тегеран: Сорущ, 1997.

⁴ Худуд аль-'Алам мин аль-машрик иля-ль-магриб / Изд. Юсуф аль-Хади. Каир: ад-Дар ас-Сакафия ли-н-нашр, 1999; Hudud al-'Alam. The Regions of the World. A Persian Geography 372 A. H.–982 A. D. / Tr. and expl. by V. Minorsky. London, 1937.

⁵ Авеста. Избранные гимны из Видевдата / Перевод с авестийского И. Стеблина-Каменского. М.: Дружба народов; КРАМДС – Ахмед Ясави, 1993; Авеста в русских переводах / Сост., ред., прим. И. В. Рак. СПб.: Журнал «Нева» – РХГИ, 1997; Авеста. «Закон против дэвов» (Видевдат) / Перевод, исследование и комментарии Э. В. Ртвеладзе, А. Х. Саидова, Е. В. Абдуллаева. СПб.: Издательство Политехнического университета, 2008; Суждения Духа разума (Дадестан-и меног-и храд) // Зороастрийские тексты (Памятники письменности Востока, CXIV) / Издание подготовлено О. М. Чунаковой. М., 1997; Vendidad. The Zend-Avesta. Part I // The Sacred Books of East. / Trans. by J. Darmesteter. Vol. IV. Oxford, 1880; Zend-Avesta. Part II // The Sacred Books of East / Ed. by M. Müller, trans. by J. Darmesteter. Vol. XXIII. Oxford, 1883; Yasna. Zend-Avesta. Part III // The Sacred Books of East / Trans. by L. H. Mills. Vol. XXXI. Oxford, 1887; Yasts. Zend-Avesta. Part II // The Sacred Books of East / Ed. by M. Müller, trans. by J. Darmesteter. Vol. XXIII. Oxford, 1883; Denkard / Ed. by Peshotun Dastoor Behramjee Sanjana. Book 3. Vol. 6. Bomday, 1876; Dinkard. Pahlavi texts. Part IV // The Sacred Books of East / Trans. By E. W. West. Vol. XXXVII. Oxford, 1892; Bundahis or the original creation. Pahlavi texts. Part I // The Sacred Books of East / Trans. by E. W. West. Vol. V. Oxford, 1880; Сотворение основы (Бундахишн) // Зороастрийские тексты (Памятники письменности Востока) / Издание подготовлено О. М. Чунаковой. М.: Восточная литература, 1997.

⁶ Книга деяний Ардашира сына Папака / Транскрипция текста, перевод со среднеперсидского, введение, комментарий и глоссарий О. М. Чунаковой // «Памятники письменности Востока». LXXVIII. М.: Наука, 1987; The Karnamak-i-Artakhshir or records of Artakhshir // The Sacred books and early literature of East / Ed. by Ch. F. Horne. Vol. VIII. New York-London, 1917; Фирдоуси. Шахнаме / Пер. с фарси Ц. Б. Бану-Лахути, комментарий А. А. Старикова. Т. I–VI. М.: Наука, 1957–1989; Предание о сыне Зарера (Аййдгар-и Зареран) // Пехлевийская Божественная комедия. Книга о праведном Виразе и другие тексты / Введение, транслитерация пехлевийских текстов, перевод и комментарий О. М. Чунаковой. М.: Восточная литература, 2001.

Большое значение для целей исследования имеют византийские, армянские, сирийские, еврейские, грузинские сочинения, переведенные в разное время на русский и французский языки. Сопоставление сведений этой группы источников с арабо-персидской традицией продуктивно для выяснения тех или иных аспектов этнической и политической истории бурджан.

Научная новизна исследования заключается в том, что:

- 1) диссертация представляет собой первое историко-этнографическое исследование бурджан (бурзян);
- 2) в работе собраны и проанализированы известия средневековых арабских и персидских сочинений о бурджанах (бурзянах);
- 3) сформулирована и рассмотрена болгаро-бурджанская проблема, существующая в историографии.

Теоретическая значимость работы заключается в расширении научных представлений об изучаемом предмете. Фактический материал, основные научные положения и выводы позволяют внести коррективы в существующую концепцию происхождения башкирского народа, а также могут быть использованы при написании научных работ по истории ряда регионов Евразии (Северный Кавказ, Средняя Азия, Балканы).

Практическая значимость определяется тем, что основные положения и результаты диссертационного исследования могут быть использованы при подготовке курсов и спецкурсов по дисциплинам этнологического и исторического направления, а также при написании учебных и методических пособий для вузов Республики Башкортостан.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Башкирский род бурзян (бурджан) восходит своим происхождением к сармато-аланским племенам.
2. Вызревание бурзян (бурджан) происходило в недрах Кангюя (Кангар), Яньцая (Аорсия) и Алании.

3. Во II–III в. н. э. в общем потоке аланского движения на запад бурзяне (бурджан) оказались на территории Северного Кавказа, где к северу от Дербентского прохода возникло их политическое объединение.

4. Название аланского племени берзилов (барсилов) армянских и греческих источников соответствует этнониму «бурджан», «бурсул» (берсула) и «аль-Баршалийя» арабской письменной традиции.

5. Этноним «бурджан» является не только и не столько экзонимом дунайских болгар, принятым в арабской литературе, сколько названием отдельного этноса. Смещение данных этнонимов носило «книжный» или историографический характер.

6. После гибели «Царства гуннов», территориально совпадавшего с владением Бурджан (Берзилией) на Северном Кавказе, часть племени бурджан мигрировала на Южный Урал, материальным подтверждением чего являются материалы турбаслинской археологической культуры.

7. «Урал-батыр» и другие реликты мировоззрения древних башкир несут в себе отголоски индоиранских мифов.

Апробация исследования. Отдельные положения диссертации в виде докладов и сообщений вошли в материалы республиканских, российских и международных конференций. Основные результаты исследования изложены в 11 статьях, опубликованных в научных журналах и сборниках, в том числе в трех рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, списка использованных источников и литературы, приложения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во «**Введении**» обоснована актуальность темы диссертации, показана степень ее научной разработанности, сформулированы цель и задачи. Здесь же обосновывается теоретическая и практическая значимость работы и ее новизна, про-

анализирован комплекс источников, на базе которых проведено исследование, определены его объект и предмет, установлены территориальные и хронологические рамки, сформулированы методологические подходы.

Первая глава «Бурджан в письменной традиции Востока» состоит из двух параграфов. В них рассматриваются болгаро-бурджанская проблема и контекст упоминания этнонима «бурджан» в арабских, персидских, армянских, еврейских и хазарских источниках.

В параграфе 1.1. «Булгаро-бурджанская проблема» приводится историографический обзор вопроса о соотношении этнонимов «булгар» и «бурджан» в арабо-персидской литературе.

В современной отечественной историографии, воспринявшей положения европейской науки XIX в., положение о тождестве носителей этнонима «бурджан» и дунайских булгар стало аксиомой, хотя имеются источники, которые прямо противоречат данному утверждению.

В параграфе 1.2. «Этногеография бурджан» прослеживается география и анализируется контекст употребления термина «бурджан» в арабских и персидских источниках. Мухаммед ибн Ибрагим аль-Фазари (VIII в.), а также аль-Хорезми (IX в.) помещали владение Бурджан в Северном Причерноморье. Я'куби (IX в.), Ибн Хаййат (IX в.), Йакут (XIII в.), Ибн аль-Асир (XIII в.), ад-Димашки (XIV в.) знают лишь Бурджан-на-Кавказе. Аль-Фергани (IX в.), Ибн Русте (X в.), аль-Масуди (X в.), автор Худуд аль-'Алама (X в.), аль-Бируни (X в.), аль-Идриси (XII в.), Ибн Са'ид (XIII в.), Ибн Халдун (XIV в.) упоминают Бурджан-на-Балканах. Ибн Хордадбех (IX в.), ат-Табари (X в.), Ибн аль-Факих (X в.), Мискавейх (XI в.) помещают Бурджан и на Кавказе, и на Балканах.

Вторая глава «Бурджан и Берзилия: хронология, локализация, этническая атрибуция» состоит из трех параграфов. В ней устанавливается факт географического и хронологического соответствия друг другу топонимов Бурджан и Берзилия на Северном Кавказе по данным армянских, византийских и арабских источников, а также определяется этническая принадлежность бурджан и хронология их истории.

В параграфе 2.1. «Хронология бурджан и берзилов» рассматриваются данные армянских источников, которые свидетельствуют о том, что берзилы были участниками событий III в. н. э. на Кавказе. Сирийская литература в лице Михаила Сирийца (XII в.), ссылавшегося на автора VI в. Иоанна Эфесского, утверждала, что болгары прикочевали с востока из района Имеонских гор (Тяньшань) в страну «алан, называемую Берсалия». А поскольку болгары впервые упоминаются в анонимном Латинском Хронографе 354 г.¹, то Берсалия (Берзилия) существовала ранее указанной даты. Арабский географ Ибн Хордадбех пишет, что Бурджан-шах жил в эпоху шаха Ардашира Папакана (III в.). Таким образом, в данном параграфе делается вывод о том, что берзилы и бурджаны выходят на историческую арену около III в.

В параграфе 2.2. «Локализация Бурджана и Берзилии» устанавливается факт географического соответствия друг другу Берзилии (аль-Баршалийя) и Бурджана. Византийский историк Феофан, а также армянский географ Анания Ширакаци помещают Берзилию на территории современного Дагестана². Параллельные арабские источники солидарны с ними. Историк IX в. аль-Балазури рассказывает о встрече, состоявшейся между персидским шахом Хосровом Ануширваном и тюркским каганом в местности аль-Баршалийя (البرشالية)³. Из контекста сюжета следует, что она находилась недалеко от Дербента. Энциклопедист Йакут ар-Руми, а также историки ат-Табари и Ибн аль-Асир на этой территории упоминают владение Бурджан⁴.

Параграф 2.3. «Этимология этнонимов и этническая атрибуция бурджан и берзилов». В арабской историографии и географической литературе (Я'куби, Табари, Масуди, Йакут, Ибн аль-Асир и др.) наиболее распространенной является форма بُرْجَان (бурджан). Ее же в несколько измененном виде мы находим в пер-

¹ Chronographus anni CCCLIII // Monumenta Germaniae Historica. Ed. Th. Mommsen. Auctores antiquissimi. T. 9. Vol. I. Berlin, 1892. P. 105.

² Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора (тексты, перевод, комментарии). М.: Наука, 1980. С. 61; Патканов К. Из нового списка географии, приписываемой Моисею Хоренскому // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. CCXXVI. Март. СПб., 1883. С. 27–28.

³ Балазури. Футух аль-булдан. Бейрут: Му'ассаса аль-ма'ариф, 1987. С. 275.

⁴ Йакут ар-Руми. Указ. соч. Т. I. С. 373; Annales quos scripsit Abu Djafar Mohammed ibn Djarir at-Tabari. Ed. M. J. de Goeje. Prima series. Pars II. Lugduni Batavorum, 1881–1882. P. 900; Ибн ал-Асир. Аль-камиль фи-т-тарих. Т. I. Бейрут: Дар аль-кутуб аль-ильмия, 1987. С. 337–340.

сидском сочинении «Худуд аль-‘Алам»: *برچان* (*бурчан*). Что касается названия «Берзилия», то, как уже говорилось выше, Балазури приводит форму *بَرْشَلِيَّة* (*аль-Баршалийя*). У Ибн Русте ему соответствует племя *برصولا* (*б.рсула*), упоминаемое как одно из трех подразделений орды волжских булгар. Персидский автор Гардизи фиксирует схожую форму *برسولا* (*б.рсула*). Персоязычный «Худуд аль-‘Алам» знает племя *برضولا* (*б.рзула*). Данные названия, приведенные в арабо-персидских сочинениях без огласовок, можно читать как *бурсула/бурзула*. На это указывает название *بُرْسُل* (*бурсул*), имеющееся в сочинении Йакута ар-Руми¹. Таким образом, в этнонимах «бурджан» и «берзил» (*берсула*) просматривается единый корень -*бурз-* / -*бурдж-*, что по-древнеперсидски значит «высокий», «благородный».

Различие между этнонимами «бурджан» и «бурзула» состоит лишь в суффиксах, присоединенных к названному корню: *бурдж* + *ан* и *бурз* + *ула*. Суффикс -*ула-* представляет собой индоевропейский уменьшительный формант (например, *Венесу* + *эла* = «малая Венеция», *урс* + *ула* = «медвежонок» и т. д.), который существовал и в скифо-сарматских наречиях Евразии². Суффикс -*ан-* является формантом множественности и коллективности в иранских языках.

Что касается этнической атрибуции бурджан/бурзула, то «Церковная история» Иоанна Эфесского (ум. в 586 г.), дошедшая до нас в передаче Михаила Сирийского (XII в.), определенно называет Берзилию «страной алан»³. С этим утверждением согласуется известие арабского космографа XIV в. ад-Димашки, писавшего: «Граничат с этим племенем (т. е. руссами. – С. Х.) Аллан и аль-Бурджан. Говорят, что эти оба [народа] являются братьями» (*ويجاور هذه الأمة اللان*)⁴. Наконец, башкирское этногенетическое предание, записанное башкирским писателем XIX в. Мухаммед-Салимом Уметбаевым, называет бурзян «алан-бурджанами» (*الأن بُرْجان*)⁵. Таким образом, племя бурзян (бурджан) своим происхождением восходит к сармато-аланским племенам Евразии.

¹ Йакут ар-Руми. Указ. соч. Т. II. С. 395.

² Абаев В. И. Скифо-европейские изоглоссы на стыке Востока и Запада. М.: Наука, 1965. С. 80.

³ Chronique de Michel Syrien. Ed. et trad. par J.-B. Chabot. Т. II. Paris, 1901. P. 363–364.

⁴ Cosmographie de Chems-ed-din Abou Abdallah Mohammed ed-Dimichqui / Texte arabe publie d'apres l'edition commence par M. Fraehn et d'apres les manuscrits de St.-Petersbourg, de Paris, de Leyde et de Copenhague par M. A. F. Mehren. Saint-Petersbourg, 1866. P. 262.

⁵ Уметбаев М.-С. Указ. соч. С. 39.

Третья глава «Этнополитическая история бурджан в III–XIII вв. н. э.» состоит из четырех параграфов, в которых прослеживается история взаимоотношений бурджан/бурзула с империей Сасанидов, гуннами, аварами, тюрками, савирами, булгарами, хазарами в то время, когда они пребывали в составе державы гуннов, Аварского, Тюркского и Хазарского каганатов.

В параграфе 3.1. «Предки народа бурджан» рассматривается содержание названий *arya* (арья), *daha* (даха) или *dasa* (даса), *tura*, *sairima*, являющихся основными этническими терминами Авесты и Ригведы, а также возникновение таких политических объединений ираноязычных кочевников, как Кангюй и Яньцай.

По мнению ряда исследователей, термин *daha* в древнеиранских языках имел значение «мужчина», «человек»¹. В пользу чрезвычайной древности названия *daha* говорит то, что оно вошло в древнеиранский фольклор, оформившись в имени дракона Ажи-Дахака («Змей Дахака»). Таким образом, в диссертации делается предположение, что социальное деление на *arya* и *daha* (*dasa*) существовало еще в период их пребывания в легендарной стране Арьянам Вайджа («Арийский простор»), которую некоторые исследователи помещают на Южном Урале².

После ухода ариев в южные страны из этнической среды племен класса *daha* выделяются *tura* Авесты, соответствующие массагетам греческих авторов.³ В новоперсидской эпической традиции, запечатленной в поэме Фирдоуси «Шахнаме», их политическое объединение обозначается термином «Туран» («страна туров»). Среди союзников туранского царя Афрасиаба упоминается его родственник витезь Бурзевейла (برزویدا), чье имя, по мнению В. Ф. Минорского, является персонификацией этнонима «бурзула»⁴. С другой стороны, если верить Аммиану Марцеллину, аланы – это «древние массагеты». А, как говорилось выше, бурджаны/бурзула были выходцами именно из этнической среды аланской конфедерации. Следовательно, прародина бурзула находилась в Туране (Кангюй, Яньцай). В ходе алано-массагетской экспансии на запад, происходившей во II–III вв., они

¹ Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов / Пер. с фр., общ. ред. и вступ. ст. Ю. С. Степанова. М.: Прогресс – Универс, 1995. С. 211.

² Бонгард-Левин Г. М., Грантовский Э. А. От Скифии до Индии. Изд. 2-е. М.: Мысль, 1983. С. 56.

³ Пьянков И. В. Массагеты Геродота // ВДИ. 1975. № 2. С. 68.

⁴ Hudud al-'Alam. Op. cit. P. 461.

оказываются на Северном Кавказе, где их и фиксируют армянские и персидские источники.

В параграфе 3.2. «Царство Бурджан и Сасанидская империя» анализируются собственно пехлевийские (среднеперсидские) источники, а также сочинения арабских авторов, использовавших последние на предмет упоминания в них бурджан в контексте политических событий, происходивших в III–VI вв. на северной периферии Сасанидской империи.

Ибн Хордадбех приводит список титулов вассальных царей в эпоху шаха Ардашира Папакана (224–241 гг.), среди которых упоминается Бурджан-шах¹. Данный список, безусловно, пехлевийского происхождения. Однако он дошел до наших дней опосредованным путем. Что касается непосредственно сасанидских источников, то Бурджан-шах, по всей видимости, покрывался титулом «царя маскутов» («царя массагетов»), упоминаемого в надписи шаха Нарсе в Пайкули². Царство маскутов (*m skyt'n*) располагалось на территории северо-восточного Азербайджана и южного Дагестана, между реками Кура и Самур, распространяясь на север от Дербентского прохода.

Этноним «маскут», как утверждал Г. Ньюли, был «псевдоисторическим», то есть экзонимом³. В таком случае возникает вопрос об автониме маскутов. В «Дербенд-наме» говорится: «Маскат [тянется] от Табарсарана и Кайтака до Мускура. Ее людей привели из Алана»⁴. Следовательно, маскуты были носителями политонима «алан», хотя на субэтническом уровне могли носить собственное название, например, алан-бурджан, так как северная часть царства Маскут географически совпадает с территорией владения Бурджан.

В параграфе 3.3. «Бурджаны в тюркское время» анализируются отношения берзилов с гуннами, булгарами, хазарами, аварами и тюрками. Сведения,

¹ Kitab al-masalik wa'l-mamalik auctore Abu'l Kasim Obaidallah Ibn Khordadbeh et excerpta e Kitab al-kharadj auctore Kodama ibn Dja'far. Ed. M. J. de Goeje // BGA. Pars VI. Leiden, 1889. P. 17–18.

² Луконин В. Г. Древний и раннесредневековый Иран. М.: Наука, 1987. С. 168.

³ Ньюли Г. Название алан в Сасанидских надписях: лингвистические и исторические размышления по поводу противостояния Ирана внешнего и Ирана внутреннего / Пер. П. Оньибене (Центр скифо-аланских исследования им. В. И. Абаева). Владикавказ: Ир, 2002. С. 25.

⁴ Шихсаидов А. Р., Айтберов Т. М., Оразаев Г. М.-Р. Дербенд-наме // Дагестанские исторические сочинения. М.: Наука, 1993. С. 22.

приводимые Дионисием Периегетом (II в.) и Михаилом Сирийским, позволяют установить последовательность появления на Северном Кавказе и конкретно в Берзилии гуннов, болгар и хазар. Если гунны оказываются здесь уже во II в., то болгары, двигаясь от «горы Имеон» (Тяньшань), достигают указанной территории лишь в IV в. Несколько позднее в среде племен Берзилии появляются хазары.

После возникновения Тюркского каганата его правители в своей региональной политике на Кавказе начинают опираться на берзилов/бурджан и хазар. Именно во второй половине VI в. происходит заключение военно-политического союза между Истеми-каганом и Хосроем Ануширваном против эфталитов. По окончании войны альянс распадается и Закавказье подвергается нашествию союзных тюркам «народов севера», в числе которых ат-Табари называет *абхаз* (أبخز), *б.ндж.р* (بنجر), *б.л.ндж.р* (بلنجر) и *алан* (الآن). Как показывает исследование, под искаженным именем *б.ндж.р* скрывались бурджаны. Против них выступает сам шах, разоряет Бурджан, а затем строит Баб аль-Абваб, то есть укрепления Дербента.

Возникший в VII в. Хазарский каганат вступает в ожесточенную борьбу с Арабским халифатом, войска которого вторгаются на территорию современного Дагестана. На переднем краю обороны оказывается так называемое «Царство гуннов» армянских источников, территориально совпадавшее с владением Бурджан арабских источников. В результате опустошительных персидских, а затем арабских вторжений оно погибает, а его жители мигрируют в разных направлениях.

В параграфе 3.4. «Бурджаны на Балканах, Средней Волге и Южном Урале» прослеживается историческая судьба разных частей народа бурджан, пришедшего в рассеяние после гибели их собственного княжества на Северном Кавказе.

Анализ арабских исторических и географических сочинений показывает, что их авторы использовали топоним Бурджан не только для обозначения Дунайской Болгарии, но и для некоего отдельного владения. В этом отношении показательны сведения географа XIII в. Ибн Са'ида, который не только упоминает Бурджан (в форме Бурсан или Буршан) как самостоятельное княжество, но называет причину,

по которой оно исчезло с карты Европы. Крестоносцы, временно создавшие на месте балканских провинций Византии так называемую Латинскую империю, истребили его немногочисленное население¹.

Однако представленная картина встречает ряд трудностей, главная из которых заключается в том, что византийские источники не знают названия «Бурджан». На месте последнего они упоминают княжество Берзития (**Βερζητια**) и Куберову Болгарию. Скудость сведений, в первую очередь византийской литературы, не позволяет сделать уверенный вывод о соответствии друг другу этих двух топонимов. Таким образом, существование владения Бурджан-на-Балканах довольно гипотетично.

Единственной сохранившейся до наших дней частью этого народа является племя бурджан (бурзян) в составе башкирского народа. Его миграция с территории Северного Кавказа на Южный Урал хронологически совпадает с расцветом турбаслинской археологической культуры. Мнения относительно ее происхождения разделились: одни исследователи связывают с булгарами, другие – с аланами, третьи – с притоком гунно-сарматского населения в VI–VIII вв.² Так или иначе, мнение о северокавказском или, если брать шире, южном происхождении материалов турбаслинской культуры разделяется всеми археологами.

Четвертая глава «Элементы индоиранской мифологии в духовной культуре башкирского народа» состоит из двух параграфов, в которых делается сравнительный анализ башкирского эпоса «Урал-батыр» и мифологии древних ариев, отраженной в Ригведе, Авесте и пехлевийских сочинениях. Кроме того, в данной главе исследуются тотемистические представления древних башкир и элементы их религиозной системы.

Параграф 4.1. «Мифология древних ариев и эпос „Урал-батыр“». В научной литературе неоднократно отмечалось, что многие персонажи башкирского

¹ Ibn Sa'id al-Magribi. Libro de la extension de la tierra en longitud y latitud / Ed. J. Vernet Gines. Tetuan: Instituto Muley El-Hasan, 1958. С. 117–118.

² Станчев С. Р. Новый памятник древней болгарской культуры // Сборник «Советская археология». XXVII. М.: Издательство АН СССР, 1957. С. 128; Ахмеров Р. Б. Уфимские погребения IV–VII века н. э. и их место в древней истории Башкирии // Древности Башкирии. М., 1970. С. 161–194; Сунгатов Ф. А. Турбаслинская культура (по материалам погребальных памятников V–VIII вв. н. э.). Уфа: Гилем, 1998. С. 104–105.

народного эпоса демонстрируют связь с образами индоиранской мифологии. Например, Урал-батыр имеет ряд типологических сходений с Йимой, героем Авесты. Связь башкирского эпоса с мифологией древних ариев также проявляется в сюжете об убийстве или приручении небесного (космического) быка. Этот древнейший архетип ближневосточной культуры объединяет образы Урал-батыра и индоиранского бога Митры.

В данном параграфе анализируется не только семантическое значение мифологических образов, но и этимология их имен. Например, рассматривается эволюция авестийского имени Ажи-Дахак, превратившегося под воздействием арабского языка в Заххака «Шахнаме» и Кахкаху «Урал-батыра». Также устанавливается семантическая и этимологическая связь «птичьего царя» Самрау башкирского эпоса с птицей Сенмурв пехлевийских сказаний (Саено Марго Авесты и Симург «Шахнаме»). Кроме того, в данном параграфе реконструируются образы птиц Хомай «Шахнаме» и Хумай башкирского эпоса. Как показывают результаты исследования, их прототипом стала индийская богиня Дэви, известная в своей светлой ипостаси как Ума. Она же послужила прообразом для тюркской богини Умай.

Параграф 4.2. «Иранизмы в мировоззрении древних башкир». Единственным историческим источником о верованиях древних башкир является «Рисале» Ибн Фадлана, из которой следует, что религия древних башкир представляла собой политеистическую систему, схожую с обожествлением природных стихий и животных дэвяснийского пантеона¹. С описанными башкирскими божествами очень схожи иранский бог ветра Вай (Вий русских сказок), демон зимы Змака, покровитель всех живых существ Геуш-Урван, богиня воды Ардвисура, бог неба Асман, богиня земли Зем, индийский бог огня Агни и другие.

Следы древнеиранской мифологии сохранились и в тотемистических представлениях древних башкир. Среди тюркских предков башкир, носителей этно-

¹ Дэвасына – поклонение божествам природных стихий, называемым дэва (сравните: индийское *deva*, латинское *deus* «бог», славянское «диво»). В скифо-сарматское время в среде евразийских кочевников это слово носило положительный смысл, о чем говорит ономастический материал из Согда. Известен согдийский царь по имени Деваштич, то есть «одержимый дэвами» (См.: Лившиц В. А. Юридические документы и письма / Чтение, перевод и комментарии В. А. Лившица // «Согдийские документы с горы Муг». Вып. II. М., 1962. С. 57).

нима башкорт, был распространен культ волка. Однако у иранских предков башкир – предков племен *бурзян, канглы, усерган* и др. – господствовали иные представления. Судя по имеющимся материалам, своим предком они считали собаку и почитали ее. Об этом говорят «собачьи» имена башкир: Эткинья «сын собаки», Эткусты «брат собаки», Эткул «раб собаки», Этимган «вскормленный собакой». Иранские мифы и ономастика также сохранили следы культа собаки¹. В связи с этим нужно учитывать, что этноним *saka* является видоизмененной формой слова *spara* «собака»². Вместо древнеиранского *spara* в современных иранских языках (фарси, дари, таджикский) употребляется *sag* (سگ). Будучи кочевниками-скотоводами, саки отождествляли себя со сторожевыми псами, пасущими скот³. Таким образом, культ собаки существовал и в среде древних туранцев – саков, сарматов, массагетов.

В Заключении сформулированы основные выводы диссертационного исследования:

1. Бурджаны являются потомками массагетов – древних насельников Южного Урала и Приаралья. Лишь в результате последующего этнического симбиоза с гуннами, булгарами, тюрками произошла смена их этнического облика.

2. Владение Бурджан-на-Кавказе существовало в III–VII вв. на территории Восточного Предкавказья, а в VII в. территориально совпадало с так называемым «Царством гуннов», которое погибло в ходе кровопролитных арабско-хазарских войн (VII–VIII вв.). Его население мигрировало в разных направлениях.

3. Часть населения Бурджана переселилась на территорию Южного Урала, что нашло отражение в памятниках турбаслинской культуры, локализуемой в районе г. Уфы и имеющей явные северокавказские (аланские) и дунайско-болгарские параллели.

¹ Histoire de la Géorgie / Traduite du Géorgien par M. Brosset. 1-re partie. S.-Petersbourg, 1849. P. 146; Геродот. История / Пер. и прим. Г. А. Стратановского. М.: АСТ: Ладомир, 2002. С. 57; Авеста. «Закон против дэвов» (Видевдат). С. 199–200.

² Литвинский Б. А. Древние кочевники «Крыши мира». М.: Наука, 1972. С. 157.

³ Чеснов Я. В. О социальной мотивированности древних этнонимов // Этнонимы / Отв. ред. В. А. Никонов. М.: Наука, 1970. С. 50.

4. Топоним Бурджан, применяемый арабо-персидскими авторами к определенной территории Балкан, можно сопоставить с княжеством Берзития в Македонии или с так называемой Куберовой Болгарией. Но, к сожалению, наличный материал не позволяет с достаточной уверенностью ставить между ними знак равенства.

5. Так называемая болгаро-бурджанская проблема имела историографический характер. Первым противником, с которым столкнулись арабские завоеватели в середине VII в. к северу от Дербента (Баб аль-Абваба), были бурджаны. С этого момента их название стало применяться в двух значениях: в качестве их собственного этнонима и как собирательный термин (экзоним) для обозначения различных кочевников Восточной Европы.

6. Бурджаны и другие этнические группы туранского происхождения сыграли большую роль в формировании башкирского народа, что отразилось не только на гено- и фенотипе башкир, но и в их духовной культуре.

В **Приложении** приводятся 3 рисунка и 2 карты.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ДИССЕРТАЦИИ ОТРАЖЕНЫ В СЛЕДУЮЩИХ ПУБЛИКАЦИЯХ:

**Статьи, опубликованные в ведущих периодических научных изданиях,
рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ**

1. Хамидуллин С. И. «Царство гуннов» и княжество Бурджан на Северном Кавказе // Вопросы истории. 2011. № 3. С. 159–164.

2. Хамидуллин С. И. Бурджаны в истории Евразии // Восток (Oriens). 2011. № 5. С. 22–33.

3. Хамидуллин С. И. Берзилия в свете византийских, армянских и арабских источников // Вестник Чувашского университета. Гуманитарные науки. 2012. № 2. С. 107–111.

Статьи и тезисы, опубликованные в других изданиях

4. Хамидуллин С. И. Племена кай и унгут в составе башкир // II Международный конгресс этнографов и антропологов. Резюме докладов и сообщений. Ч. 1. Уфа, 1997. С. 99.
5. Хамидуллин С. И. Булгаро-бурджанская проблема в свете арабо-персидских, армянских и византийских источников // Научное наследие А.-З. Валиди Тогана и современные проблемы федерализма в России: Материалы Межрегиональной научно-практической конференции, посвященной 115-летию А.-З. Валиди Тогана: V Валидовские чтения. Уфа, 2005. С. 241–244.
6. Хамидуллин С. И. Прабашкиры // Проблемы этногенеза и этнической истории башкирского народа: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 70-летию С. Н. Шитовой. Уфа, 2006. С. 74–78.
7. Хамидуллин С. И. Тюркское Небо // Вестник Бирской государственной социально-педагогической академии. Вып. 7. Социально-гуманитарные науки. Бирск, 2006. С. 119–128.
8. Хамидуллин С. И. Башкирская мифология и этногенез башкир // Проблемы региональной культуры: Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции студентов и молодых ученых. Чебоксары, 2010. С. 108–113.
9. Хамидуллин С. И. Алан-бурджаны в истории Евразии // Аланы и асы в этнической истории регионов Евразии: Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. Карачаевск, 2010. С. 242–250.
10. Хамидуллин С. И. Исторические гунны и их потомки // Ватандаш. 2011. № 10 С. 3–12.
11. Хамидуллин С. И. Этногеография бурджан в свете арабских источников // Актуальные проблемы истории и этнологии: Материалы научно-практической конференции, посвященной 70-летию со дня рождения Р.З. Янгузина. Уфа, 2011. С. 182–189.